

Athenaeum litterarum Demidowianum Jaroslaviense: Teaching Classical Philology and Ancient History

V. V. Dementyeva¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-370-393

Research article
Full text in Russian

The article discusses the teaching of a number of subjects of classical studies – Latin and ancient Greek, ancient history and literature – by professors of the Demidov Higher Sciences School. The attention of P. G. Demidov to humanitarian subjects in the Athenaeum founded by him is noted (the official Latin name of the school was *Athenaeum litterarum Demidowianum Jaroslaviense*), as well as his personal invitations of classical philologists for teaching. The author connects the formation of P. G. Demidov's interest to classical languages and to the sciences in general with his studies in Revel with Professor A. F. Sigismundi, about whom the article provides biographical information. The activity in Yaroslavl of classical philologists I. E. Sreznevsky, F. Schmidt and M. O. Khanenko, as well as A. F. Klimenko and S. A. Vilinsky is characterized. The content of speeches by S. A. Vilinsky about the history and «successes of enlightenment» of the three ancient peoples – the Egyptians, Greeks and Romans is analyzed. It is concluded that classical studies at the Demidov School were originally an essential and very significant part of the formation of higher education in Yaroslavl.

Keywords: Athenaeum of P. G. Demidov; classical philology; ancient history; professors; teaching

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Dementyeva, Vera V. | E-mail: kvv_dementieva@mail.ru
Doc. Sc. (History), Professor, Head of The Scientific
& Educational Centre for Classical Studies

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-018).

Athenaeum litterarum Demidowianum Jaroslaviense: преподавание классической филологии и древней истории

В. В. Дементьева¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-370-393
УДК 378 (80) (94)

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается преподавание ряда антиковедческих дисциплин – латинского и древнегреческого языков, древней истории и литературы – профессорами Демидовского высших наук училища. Отмечается внимание П. Г. Демидова к гуманитарным предметам в основанном им Атенее (официальное латинское название училища – Athenaeum litterarum Demidowianum Jaroslaviense), личное его приглашение филологов-классиков для преподавательской деятельности. Автор связывает формирование интереса П. Г. Демидова к классическим языкам и наукам в целом с учебой его в Ревеле у профессора А. Ф. Сигизмунди, о котором в статье представлены биографические сведения. Характеризуется деятельность в Ярославле филологов-классиков И. Е. Срезневского, Ф. Шмидта и М. О. Ханенко, а также преподававших древнюю историю А. Ф. Клименко и С. А. Вилинского. Проанализировано содержание речей С. А. Вилинского об истории и «успехах просвещения» трех древних народов – египтян, греков и римлян. Сделан вывод о том, что антиковедение в Демидовском училище изначально явилось существенной и весьма значимой составной частью становления высшего образования в Ярославле.

Ключевые слова: Демидовский Атеней; классическая филология; античная история; профессора; преподавание

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дементьева, Вера Викторовна		E-mail: vv_dementieva@mail.ru
		Доктор исторических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного Центра антиковедения ЯрГУ

Финансирование: ЯрГУ, проект VIP-018.

Истоки преподавания в Ярославле ряда отраслей научного знания естественным образом связаны с Демидовским высших наук училищем и обнаруживаются, соответственно, в первой трети XIX в., что в полной мере относится и к антиковедению как комплексу дисциплин, сопряженных с изучением греко-римской цивилизации (классическая филология, античная история, римское право и др.). Но если начало юридической романистики в Ярославле в той или иной степени исследовалось современными правоведами [см., напр.: 1, с. 15–35], то деятельность филологов-классиков, живших и преподававших в Ярославле в названное время, привлекла меньше внимания в литературе [в тезисах конференций: 2–4], а анализа первых сохранившихся работ и речей, относящихся к древней истории и созданных/произнесенных в стенах Демидовского училища, не предпринималось совсем. Заполнение некоторых из числа означенных пробелов и является исследовательской задачей данной статьи.

Официальное название основанного по инициативе и на средства П. Г. Демидова в Ярославле учебного заведения имело – в традициях рубежа XVIII–XIX вв. – латинский вариант *Athenaeum litterarum Demidowianum Jaroslaviense*. Сразу отметим, что кочующее из публикации в публикацию название *Athenaeum litterarum Demidowianum Jaroslaviensi* (с *i* на конце последнего слова) [см., напр.: 5, с. 23; 6, с. 8], присутствующее и в историческом очерке ЯрГУ им. П. Г. Демидова на сайте университета [7], было предложено исправить (писать с *e* на конце последнего слова) одним из лучших специалистов по «живой» латыни, выпускником аспирантуры ЯрГУ Алексеем Георгиевичем Следниковым [4, с. 170], который признал расхожий вариант названия в публикациях (*Athenaeum litterarum Demidowianum Jaroslaviensi*) ошибочным. Его аргументация логична. Прилагательное «ярославский» – *Jaroslaviensis* (от латинизированного названия Ярославля – *Jaroslavia*) относится к прилагательным двух окончаний, следовательно, в номинативе среднего рода имеет окончание *e*. Такое прилагательное появилось не в начале XIX в., а ранее. Оно засвидетельствовано у Матвея Меховского (рубеж XV–XVI вв.) в «Трактате о двух Сарматиях» (*Tract. II. Lib. II. Cap. I*) и используется в современной «живой» латыни [8, с. 446]. А. Г. Следников обоснованно считает невозможным, чтобы название высшего учебного заведения изначально было дано с ошибкой – *Athenaeum Jaroslaviensi*, справедливо полагая, что эта ошибка более поздняя.

Написание с ошибкой появилось, видимо, следующим образом. В названиях публикаций начала XIX в., в которых латинское наименование ярославского Атенея приводилось не в именительном падеже, а в косвенном – аблативе, прилагательное имело окончание *i* по правилам грамматики. Например, можно привести название издания 1806 г.: *Catalogus lectionum et exercitationum, in Athenaeo litterarum Demidowiano Jaroslaviensi a d. XVII Augusti anni MDCCCVI ad d. XXVIII Iunii a. MDCCCVII habendarum* [9].

Но это написание в аблативе было перенесено ошибочным образом авторами книг и статей на название Демидовского училища в именительном падеже и затем стало автоматически восприниматься как исходно правильное.

Смысловые отсылки латинского названия училища являлись прозрачными: римский Athenaeum был создан в период принципата Адриана (117–138 гг.) как государственное научно-образовательное учреждение и в античную эпоху зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Римляне, в свою очередь, выбирая название его, опирались на греческое слово Ἀθήναιον – храм Афины, богини мудрости, покровительницы наук и искусств, эпонима города Афин – центра интеллектуальной и культурной жизни. Античная ретроспектива, таким образом, исходно создавала фон существования Ярославского высших наук училища. Там, где требовалось сокращенное название учебного заведения (как, например, на гурте медали отличившимся не только в учебе, но и в написании исследований студентам), стояло Athenaeum Demidovianum – Демидовский Атений.

Выделяя средства на создание высшего учебного заведения и обращаясь с предложением о его создании в Ярославле в 1803 г., Павел Григорьевич Демидов стремился к тому, чтобы оно давало разностороннее образование, чтобы в нем был представлен комплекс дисциплин по университетскому типу («... такое училище, которое имело бы одинаковую степень с Университетом, и все преимущество онаго, заведя в нем класс наук Университетских» [10, с. 28]). Казалось бы, человек, четко ориентированный на естественные науки, постигавший их четыре года самым глубоким образом в Гёттингене (1751– май 1755 гг.), затем долго (в течение шести лет, до сентября 1761 г.) стажировавшийся в их практическом приложении в Европе (подробно об этом см. диссертацию В. В. Смекалиной [11, с. 66–67, 73]), должен был стремиться к внедрению в родной стране именно естественно-технического образования, но он видел значимость и гуманитарного знания, прежде всего классических языков, древней истории и права. Конечно, можно заподозрить, что длительное пребывание в Гёттингене, который всегда был и остается одним из самых крупных научных центров изучения Античности в Германии, могло способствовать интересу к греко-римской древности, заставить впоследствии П. Г. Демидова самому отбирать профессоров-классиков для ярославского Атенея, останавливаясь на лучших кандидатурах. Представляется, что изначально немалую роль сыграло то, что он в раннем возрасте (с 10 до 13 лет), вместе с братьями в 1748–1750 гг. [12, с. 4; 13, с. 4], изучал латинский, немецкий, другие языки и гуманитарные предметы в Ревеле у профессора Адольфа Флориана Сигизмунди. В. В. Смекалина ошибочно считает [11, с. 67], что братья Демидовы только в 1750 г. покинули родительский дом и приехали в Ревель к Сигизмунди. В немногочисленных исследованиях, где упоминается фамилия Сигизмунди в связи с братьями Демидовыми [см., напр.: 14, с. 1],

в т. ч. и в диссертации В. В. Смекалиной, не указываются даже инициалы профессора, как не указывались они в речах и работах XIX в. [13, с. 4].

Между тем, как выясняется, это была личность неординарная. А. Ф. Сигизмунди жил в Ревеле – местом его преподавательской деятельности была ревельская гимназия. Старейшая гимназия Российской империи, она была основана еще при власти шведского короля Густава-Адольфа (торжественное открытие состоялось в 1631 г.), позднее получила имя императора Николая I. Исторический очерк гимназии опубликовал в 1910 г. Генрих Фридрихович Бауэр, надворный советник Министерства просвещения [15], однако профессора Сигизмунди он в нем не упомянул. В работе Г. Ф. Бауэра была указана книга на немецком языке Готтхарда фон Ханзена «Geschichtsblätter des revalschen Gouvernements Gymnasiums» [16], где обнаруживаются сведения об А. Ф. Сигизмунди [16, S. 194, 247–249, 252]. В 1689–1709 гг. ректором гимназии был отец Адольфа Флориана – Михаэль Сигизмунди [16, S. 247.], сам же он не менее пяти раз руководил ректоратом гимназии (1730, 1739, 1750, вероятно, в 1735 и в 1744 гг., но в работе Г. фон Ханзена эти годы указаны под вопросом) [16, S. 194, 247].

Из сведений, приведенных в книге Г. фон Ханзена, следует, что А. Ф. Сигизмунди (Adolph Florian Sigismundi, 1687–1750) являлся профессором греческого языка и философии с 1718 г, а затем, с 1725 г., – риторики и истории; он был широко образованным гуманистом (преподавал и право). А. Ф. Сигизмунди умер в 17-го декабря 1750 г.¹, и после этого братья Демидовы перебрались в Германию. Назовем еще примечательный факт из биографии А. Ф. Сигизмунди: он был воспитателем двух старших сыновей Витуса Беринга, их оставили в Ревеле учиться и поселили в семье Сигизмунди в 1739–1740 гг., когда Беринг, его жена и младший сын отправились в экспедицию на Камчатку [17, с. 15]. В сохранившихся письмах Витуса Беринга профессору А. Ф. Сигизмунди и Анны Беринг жене Сигизмунди речь идет об образовании Йонаса и Томаса Берингов [18, с. 177–220]. Автор исследований об экспедициях Витуса Беринга на Камчатку Наталья Охотина-Линд обратила внимание также на то, что профессор Сигизмунди «был не чужд и литературному творчеству» [17, с. 456–457]. В периодике нашлось упоминание о нем в новостной публикации 1731 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости» от 17 июня [19, с. 4]². Обнаружилось и издание сочинения самого А. Ф. Сигизмунди, хранящееся в Российской национальной библиотеке, его речь на латинском языке по поводу подписания Ништадтского мира

¹ Все даты в статье по Юлианскому календарю.

² «В Ревеле торжествовала, по силе полученного оттуда известия, тамошняя Гимназия 14 сего месяца первый свой столетний Юбилейский праздник, при котором торжестве из шляхетства и других знатных особ великое множество присутствовало. Господин Профессор Сигизмунди велел за день до того через изрядно сочиненное объявительное письмо всех рачителей наук на оное торжество призывать». При цитировании текстов XVIII–XIX вв. по оригиналам в статье сохраняется орфография, кроме исключенных из алфавита букв, и пунктуация источников.

1721 г., охарактеризованного Сигизмунди как *rex gloriosissima*, «преславный мир, который был счастливо заключен между светлейшим и могущественнейшим императором и государем, господином Петром Великим, всея Руси самодержцем, отцом Отечества, и светлейшим и могущественнейшим королем Швеции, готов и вендов Фредриком I ...» [20].

По Ништадтскому миру Ревель отошел к Российскому государству. Для А. Ф. Сигизмунди, постоянно жившего в городе, данный факт был важнейшим и жизненно актуальным. Сам ли он вызвался произнести торжественную речь *in Gymnasio Reveliensi in frequenti auditorio* (в ревельской гимназии в многолюдной аудитории), посвященную этому событию, возвышенные эпитеты которой восхваляют договор России и Швеции, или ему поручило руководство это сделать – в любом случае это было выражение позиции лояльности по отношению к российским властям.

У заслуженного профессора с такой интересной биографией в самом конце его жизненного пути и учился латыни, постигая также смежные отрасли гуманитарного знания, юный П. Г. Демидов. Полагаю, что в университете, носящем его имя, нельзя забывать, что почтительное уважение к наукам в целом (а именно этот побудительный мотив очевидным образом явился решающим при пожертвовании им средств на открытие ярославского Атеней) было заложено у него еще в подростковом возрасте ревельским профессором А. Ф. Сигизмунди.

Athenaeum litterarum Demidowianum по воле его основателя был подчинен Московскому университету и, соответственно, попечителю Московского учебного округа³. Роль попечителя округа Михаила Никитича Му-

³ Лишь в период немногим более пяти лет (1824–1829 гг.) ярославский Атеней не находился под крылом Московского университета, попечительство было передано ярославскому губернатору А. М. Безобразову. К. Д. Головщиков писал [12, с. 75], что 26 февраля 1824 г. губернатор уведомил училище о том, что император определил его, Безобразова, в звании почетного попечителя, но указ об этом, если судить по датам официальных документов, появился позднее. Если К. Д. Головщиков не ошибся, то возможно следующее. При посещении Ярославля Александром I в августе 1823 г., как известно, им было высказано недовольство состоянием училища, и к февралю 1824 г., не исключено, уже существовала договоренность с Безобразовым (инициированная им самим и А. С. Шишковым, метившим на пост министра народного просвещения и занявшим его 15 мая 1824 г.) о том, что он станет попечителем Демидовского учебного заведения. Перед тем Безобразов писал записку о мерах по улучшению состояния училища, но предложенную им передачу его из ведения Московского университета (что поддерживал А. С. Шишков) тогдашний министр просвещения А. Н. Голицын отвергал, однако вскоре он был отправлен в отставку. А. М. Безобразов сообщил о своем назначении попечителем раньше, чем был издан соответствующий указ, поскольку, видимо, знал о том, что он готовится. Указов последовало два: таковым от 15 марта 1824 г. Безобразову предоставлялось право личного надзора над училищем [5, с. 93; 13, с. 28]; а указом от 24 ноября 1824 г. училище было изъято из ведомства Московского университета [13, с. 28] и передано Безобразову. А. М. Безобразов находился в должности ярославского губернатора с 16 февраля 1820 по 23 ноября 1826 г.; перестав быть губернатором, он, тем не менее, оставался еще попечителем училища. Высочайшее повеление об увольнении Безобразова от должности попечителя последовало 21 мая 1829 г., как писал К. Д. Головщиков [12, с. 75], а Н. А. Гладков назвал просто 1829 г. [13, с. 33].

равьева в организации Демидовского училища была весьма значительна [21, с. 40–41]. Московский университет во второй половине XVIII в. проделал огромную работу по изданию грамматик древних языков и учебников по ним, сочинений античных авторов, разработке методик преподавания классических дисциплин, написании исследований по древней истории [22]. С «дочерним» учебным заведением Московский университет делился накопленным научно-образовательным багажом в его различных видах, а также направлял в Ярославль профессоров⁴.

Классическая филология и античная история в Российском государстве традиционно служили не только интеллектуальному становлению молодого поколения высшего сословия (изучение древнегреческого и латыни приравнивалось в их роли для развития логического мышления к математике), но и формированию социально значимых ценностей. «Изучение древних языков, чтение древних авторов в подлинниках, заучивание латинских сентенций, чтение переводной литературы, знакомство с античной историей и мифологией – все это было призвано воспитывать российского гражданина как носителя возвышенных общественных идеалов» [24, с. 223].

Латинской словесности обучал студентов ярославского Атенeya в 1804–1812 гг. профессор Иван Евсеевич Срезневский (1770–1819). Событийные вехи его биографии (как и биографий отличившихся в науке его потомков, а также брата) неоднократно фиксировались в докладах и справочных изданиях [25, с. 17–19; 6, с. 187–188] и довольно подробно описывались у дореволюционных авторов. Я сконцентрирую внимание на его преподавательской и научной деятельности ярославского ее периода.

И. Е. Срезневский до начала работы в Ярославле был известен переводом «Скорбных элегий» (“Trisia”) Овидия, изданных билингвой в 1795 г. при содействии М. М. Хераскова (художественное творчество самого Михаила Матвеевича было проникнуто сюжетно и философски античными мотивами и идеями, что, видимо, дополнительно обусловило его поддержку молодого филолога) под названием «Плач Публия Овидия Назона» с именным и предметным указателями («Ключом к Плачу»). Перевод «Скорбных элегий» активно использовался в учебных целях, естественно, что и самим переводчиком. И. Е. Срезневский, будучи сыном священника Рязанской губернии, получив образование сначала в Рязанской духовной семинарии (которая «обрела славу одной из лучших в России по уровню подготовки ее выпускников» [2, с. 14]), затем в университетской разночинной гимназии в Москве, был зачислен в 1792 г. студентом в Московский университет, и, как написано в «Русском биографическом словаре», изданным А. А. Половцовым, «по поступлении в университет, невзирая на жестокую нужду,

⁴ Указ императора Александра I Сенату о создании Училища высших наук был дан 06 июня 1803 г. [10, с. 27]; в марте 1804 г. Московский университет, под крылом которого училище создавалось, «отрядил» в Ярославль 5 профессоров и 7 учителей, и в том же марте профессора начали читать публичные лекции [23, с. 13].

Срезневский предался серьезному изучению классиков» [26]. Он всего добивался собственным трудом, развивая свои способности, постоянно пополняя багаж знаний. Окончив университет в 1796 г. с серебряной медалью, зарабатывал на жизнь службой домашним секретарем, в 1797 г. стал бакалавром учительского института при Московском университете. 9 марта 1798 г. «после представления и произнесения перед профессорами рассуждения «De praecipuis characteribus et officiis optimi praeseptoris» он получил место учителя географии и истории в университетской гимназии, где и оставался до 1804 г.» [26]. 12 февраля 1804 г. И. Е. Срезневский стал обладателем степени магистра философии и свободных наук и по личному приглашению П. Г. Демидова с 1-го мая 1804 г. приступил к профессиональным обязанностям в Ярославле.

Набор дисциплин, которые И. Е. Срезневский преподавал в Демидовском высших наук училище, включал в себя, кроме латинского языка, историю еврейской и греческой литературы, поэтику и риторику, эстетику, а затем и логику, а также российскую историю. Представление о расписании его занятий дает объявление о дисциплинах изучения в ярославском Атенеум в начале первого учебного года (август 1804 г.) (воспроизвожу документ по публикации [27, с. 250]): «Иван Срезневский, философии и свободных наук магистр, по понедельникам, средам и пятницам от 8 до 10 поутру, покажет слушателям своим, во-первых, общие правила о суждении авторов, потом будет преподавать историю изящных наук, с самого начала оных до времен Августовых, представляя по возможности во всяком роде примеры, как в прозе, так и в стихах, более же времени употребит на изъяснение писателей златого века, последуя славным критикам из древних – Квинтилиану, из новейших – Лагарпу, Блеру, Батте и прочим. Также по вторникам и пятницам после полудни от 4 до 6 часов будет проходить Российскую историю и постарается внушить, с помощью оной, слушателям своим любовь к отечеству и наукам».

Более подробно виды аудиторных занятий И. Е. Срезневского в их расширившемся диапазоне представлены в «Catalogus lectionum et exercitationum...», в котором давался анонс дисциплин и их содержания в Демидовском училище с 17 августа 1806 по 28 июня 1807 г. В нем по поводу преподавания латинского языка и литературы Срезневским говорится следующее: «... а для большего усовершенствования оных (своих слушателей. – В. Д.) в Латинском языке, в правилах изящных творений и в Мифологии, будет читать Превращения Овидиевы, кн. I., третью книгу о Поэзии Иеронима Виды, и особенно постарается занять своих слушателей обработыванием различных тем. Естьлиж сколько нибудь останется времени, преподаст Историю Еврейской и Греческой Литературы, с приведением отборных примеров, как из того, так из другого народа, соответственно Хронологическому порядку, также и других лучших Латинских Писателей не оставит без внимания. – Он же по понедельникам, средам и пятницам,

в те же часы, в нижнем классе с успевающими более других воспитанниками будет читать Аннея Флора, или Корнелия Непота; преподаст им правила о сочинении периодов, изъяснит Российскую и Латинскую Просодию и не оставит их без упражнения в переводах с Российского на Латинский язык. Остальных будет занимать Этимологию, Синтаксисом и разными переводами» [9, с. 3–5]. В этом же документе говорится о преподавании Срезневским эстетики (три раза в неделю по два часа), «правил о порядке и расположении прозаических сочинений, а также и о родах их», т. е. литературоведения. В целом из текста данного источника следует, что преподавание строилось с учетом возможностей разных групп обучавшихся, степени усвоения ими материала – если «Метаморфозы» Овидия и сочинения итальянского гуманиста Марка Иеронима Види изучались со всеми слушателями, то тексты Аннея Флора и Корнелия Непота – только с хорошо успевавшими; если «продвинутым» студентам давались сложные разделы фонетики и языкознания, а также изыски переводческой практики, то для остальных – синтаксис как самое основное, без чего невозможно научиться переводу.

Мы можем оценить учебную нагрузку Срезневского в Демидовском училище – в пересчете на привычные в настоящее время академические часы – в неделю не менее 13 часов в аудитории в первый учебный год и не менее 16 часов в третий. К тому же, кроме занятий в Демидовском училище, Срезневский преподавал в Ярославском главном народном училище латинскую и российскую словесность и российскую историю, а по средам читал публичные лекции по русской истории [5, с. 26, 60]. В совокупности у него получалось порядка 20–24 часов лекционных и практических занятий в неделю.

И. Е. Срезневский в Ярославле занимался (в интересующем нас антиковедческом ракурсе – у него были и иные учебно-научные сферы приложения сил: переводы с новых языков, благотворительность как объект изучения и др.) всемирной историей литературы, в которой он обращал специальное внимание и на античную эпоху. Его «Торжественное слово о странствовании муз...» [28], по обоснованному мнению Ю. В. Шеиной, представляло собой «взгляд автора на содержание курса изящной словесности, которую он преподавал в 1806–1807 гг.». Современный филолог, анализируя речь, подчеркивает: «Русскую словесность И. Е. Срезневский рассматривает как продолжение древней, поэтому он соединяет ее преподавание с критикой писателей греческих и римских» [3, с. 16].

Основной вклад И. В. Срезневского в классическую филологию и историю античной литературы – это, конечно, переводы римских авторов: Овидия, Горация, Вергилия и Авсония. Срезневский переводил и новолатинские тексты на русский язык. Сохранились сведения и о его переводах с древнегреческого: Феокрита («Эрот и пчелы»), начала «Одиссеи». Переводил Срезневский и библейские тексты: «Песнь песней» («Брак Соломо-

нов») и псалмы. Поэтические произведения он всегда перелагал на русский язык рифмованными строками.

И. Е. Срезневский был прекрасным оратором, его преподавание риторики подкреплялось ярким примером самого лектора. Содержательно его публичные выступления несли патриотический заряд. Речь на торжественном акте открытия Демидовского училища называлась «О любви к Отечеству» (издана в двух редакциях – см. [3, с. 16]), в которой он задавался вопросами «что есть Отечество» и «что такое любовь к Отечеству», отвергая, как писал профессор уже 40-х гг. XIX в. А. З. Зиновьев, «мнение эгоистов *ubi bene, ibi patria* и мечту космополитов, что целый свет отечество» [29, с. 64].

О Срезневском есть весьма любопытное упоминание в книге Владимира Георгиевича Щеглова, когда он писал о проведенной по распоряжению министра просвещения Петра Васильевича Завадовского в 1809 г. ревизии Демидовского училища [23, с. 39–40], эти сведения повторяются и в книге С. П. Покровского [5, с. 62]. Ревизию проводил попечитель Московского учебного округа профессор Московского университета Антон Антонович Прокопович-Антонский (будущий ректор Московского университета). В. Г. Щеглов отмечал: Прокопович-Антонский хотя и увидел постоянную и полезную для училища деятельность его первых профессоров, но одновременно также написал, что «профессора не оказывают надлежащего уважения и послушания проректору, как своему начальнику». К тому же В. Г. Щеглов привел такую цитату из заключения А. А. Прокоповича-Антонского: «В городе, – говорит он, – не все профессора и учителя Демидовского училища любимы и уважаемы. Г. Срезневский слывет вольнодумцем». В чем именно состояло вольнодумство, не пояснялось; далее ревизор сообщал, что по городу распространяются бранные стихи о профессорах училища «и думают, что сочинил их кто-нибудь из своих же товарищей». Возможно, что «вольнодумство» Срезневского заключалось в содержании этих бранных стихов, может, А. А. Прокопович-Антонский выяснил что-то более серьезное в мировоззрении Срезневского, оцененное им негативно, но не счел нужным написать об этом в сколько-нибудь фактической конкретике.

В 1812 г. И. Е. Срезневский переехал в Харьков (К. Д. Головщиков ошибочно считал, что в 1814 г., [12, с. 57–58]), где в университете требовалась достойная замена Ивану Степановичу Рижскому (первому ректору Харьковского университета), умершему в 1811 г., автору работ по римской политической и религиозной истории, до сих пор сохранивших историографическую ценность, хотя после их публикации прошло уже два с половиной века. То, что пригласили И. Е. Срезневского на вакантное место профессора, освободившееся после смерти весьма известного специалиста И. С. Рижского, свидетельствует о его высокой профессиональной репутации. В Харькове он трудился до конца своих дней.

Возвращаясь к результатам ревизии А. А. Прокоповича-Антонского 1809 г., воспользуемся еще одной цитатой из книги В. Г. Щеглова: «Не доверяя городским слухам, сам визитатор выводит заключения из своих наблюдений над свойствами и талантами профессоров училища. “Только некоторые из них не у своего дела и не очень рачительны. Прилежнейший – Шмидт”» [23, с. 40]. Профессор с эпитетом «прилежнейший» – Фридрих Иоганн (видимо, исходно писали имя Иоганн перед Фридрихом как первое имя) Шмидт (1766–1845), сам Шмидт в своих речах на латыни оставлял только *Fredericus*; в России его звали либо Федор Иванович, либо Федор Андреевич или даже Фридрих Андреевич (во всяком случае, последним именем-отчеством называл его К. Д. Головщиков [12, с. 59–60], лично знавший его в своем детстве, в 40-х гг. XIX в.). Ф. Шмидт был еще одним филологом-классиком в стенах Демидовского Атеней, прибывшим в его «первом профессорском наборе». Он преподавал древнегреческий язык, а кроме того логику, философию, историю философии, этику (все лекционные курсы он читал на латинском языке).

Ф. Шмидт был родом из Саксонии, происходил из семьи пастора, в 1789 г. закончил университет в Лейпциге, получил степень магистра свободных наук и степень доктора философии [6, с. 224–226]. В переводе аттестата, выданного 13 апреля 1775 г. Шмидту в Лейпциге ректором училища Св. Фомы, где тот учился до поступления в университет, было сказано, что Иоганн Фридрих Шмидт «столько успел в греческом и латинском языках, что мог преподавать сам начало оных своим товарищам» [12, с. 58–59]. Наряду с указанием на успехи Шмидта в науках в этом документе отмечалось и бедное его состояние. Видимо, последнее обстоятельство и заставило Шмидта отправиться в Россию, куда он приехал в 1792 г., 26-летним молодым человеком, решив ассимилироваться и найти новую родину, поэтому постарался заслужить расположение как власть имущих, так и интеллектуальных кругов, чего в итоге и добился.

Должность профессора философии и греческого языка в Ярославле Ф. Шмидт получил в мае 1804 г., тогда же, когда и И. Е. Срезневский, и тоже по личному обращению П. Г. Демидова, который его уважал, поддерживал с ним впоследствии дружеские отношения, нередко приглашал в свое имение Леоново в Московской губернии. Если учесть, что «в знакомстве Павел Григорьевич был очень разборчив и уважал людей не по чинам, не по богатству, а по уму, по их честным правилам в жизни, которые он сам соблюдал всегда строго» [12, с. 30], то такая дружба весьма благоприятно характеризует Ф. Шмидта. Когда в 1811 г. П. Г. Демидов передал в училище свою золотую медаль, которой он был награжден как «залог общей признательности» по повелению Александра I, то серебряную копию ее он лично вручил Ф. Шмидту, бывшему тогда проректором учебного заведения «за отличное исправление должности» [13, с. 21].

Для Акта торжественного открытия Демидовского высших наук училища, который состоялся 05 апреля 1804 г., Шмидт разработал т. н. «Программу» [30]. Он считался возрастным из первого набора профессоров, на момент открытия училища ему было 37 лет (хотя и другие были младше его совсем немного), возможно, поэтому ему поручили возвышенную, наполненную литературными красотами и политически выверенную речь. Доклад Ф. Шмидта на торжественном заседании назывался «О благодетелях, оказавших особенные заслуги при заведении общественных училищ в России», в котором он отмечал факты благотворительности монарха, П. Г. Демидова, чиновников и пр. Через два года, 29 апреля 1806 г., на торжествах по случаю второй годовщины со дня открытия Демидовского училища Шмидт произнес речь с античным сюжетом: *Oratio de educatione pristina Graecorum* / «Слово о древнем воспитании греков» [31–32]. Речи по случаю знаменательных событий Шмидт всегда произносил на латыни; идея читать лекции на немецком оказалась нереализуемой: слушатели не понимали лектора [5, с. 26]. Поэтому языком его преподавания в Ярославле стал латинский язык.

В начале преподавания в ярославском Атене (1804/1805 учебный год), когда приступили к регулярным занятиям студенты первого набора, древнегреческим языком с ними Ф. Шмидт не занимался, он вел другие дисциплины, как следует из программы лекционных курсов на август 1804 г.: «Иоган Фридерих Шмид, философии и свободных наук магистр, по вторникам и четвергам, от 8 до 10 часов поутру, по предварительном введении в философию и историю философии своего сочинения, будет изъяснять логику по руководству Кизеветтера. А по субботам от 8 до 10 часов поутру по руководству Мейнерса. Учение нравов, придерживаясь к нравственной философии Фергюссона, начав историюю краткою, как древней, так и новейшей этики, им сочиненной. Лекции читать будет на латинском языке» [27, с. 249]. Учебный план, по всей видимости, относил древнегреческий язык не на первый, а на последующие годы обучения, да и к тому же послан был Шмидт Московским университетом для преподавания философии [33, с. 336, 341]. Не позднее августа 1806 г. к курсам по философии и этике у Шмидта добавились лекционные и практические занятия по древнегреческому языку, «*Catalogus lectionum et exercitationum...*» дает о них представление: «Фридрих Шмидт, Доктор и Профессор Философии и Греческаго языка, по понедельникам от 4 до 6 часов после обеда, преподавать будет своим слушателям Метафизику по Федорову руководству; а по средам в те же часы Этику по Мейнерсову руководству; по субботам в те же часы на лекциях Греческаго языка толковать будет Разговор Есхинов, и древности греческия; по вторникам в те же часы будет продолжать переводы с Греческаго на Русской язык и грамматически разбирать нравоучительные места Новаго Завета» [9, р. 4–5]. Из содержания занятий Шмидта следует, что преподавание древнегреческого языка не ограничивалось грамматиче-

скими упражнениями и учебными текстами, но со студентами разбирались речи Эсхина, на примере которых, а также на греческих библейских фрагментах велось обучение переводу оригинальных древних произведений, что показывает (вместе с информацией о содержании занятий по латыни) уровень подготовки выпускников в сфере классической филологии. На старшем курсе Шмидт читал также «греческие древности» – дисциплину, в которую в XIX в. включали государственно-правовые, военные, религиозные аспекты греческой истории, исторические зарисовки повседневной жизни и быта.

Ф. Шмидт провел в Демидовском училище четверть века и ушел в отставку в 1830 г. из-за состояния здоровья. На торжествах 29 апреля того года он в последний раз выступил с публичной латинской речью [13, с. 12], в которой «по окончании 25-летнего служения прощался с Ярославской публикой и Училищем» [29, с. 62]. Российское подданство ему дали через 15 лет «прилежнейшего» профессорского труда – в 1819 г. Характеризуя речи Ф. Шмидта, А. З. Зиновьев подчеркивал, что все они «проникнуты теплою любви к России, честнейшею благонамеренностью и благородною привязанностью к Демидовскому Училищу» [29, с. 62]. Ф. Шмидт настолько сроднился с Демидовским учебным заведением, что при жизни за свой счет покупал книги в библиотеку училища и предметы для учебного процесса, а затем и завещал ему все свое имущество (2 тыс. рублей) [12, с. 60; 23, с. 48; 5, с. 61]. С процентов от этих денег студенты должны были получать золотые медали за лучшие сочинения. По всей видимости, не в последнюю очередь тесные и неформальные контакты с П. Г. Демидовым способствовали длительной самоотверженной работе Ф. Шмидта в ярославском Атенее и тратам им на него своих накоплений – пример основателя училища был вдохновляющим. С. П. Покровский дал такую характеристику Ф. Шмидту, единственному из трех иностранных профессоров первого призыва, осевшему в Ярославле и ставшему первым заслуженным профессором Демидовского училища: «Ф. А. Шмидт, вместе с глубоким образованием соединял и громадную преданность своему делу» [5, с. 61]. Во время мемориального мероприятия 10 ноября 1821 г. (П. Г. Демидов умер 01 июля 1821 г.) Ф. Шмидт произнес «*Oratio, quam in memoriam pie defuncti Pauli Gregoridis Demidow*» [5, с. 83], отметив такие черты основателя Атенее, как *beneficentia* (благотворность/доброта), *modestia* (скромность/непритязательность), *iustitia* (справедливость/благочестие), *probitas* (честность/порядочность). В конце своего выступления Ф. Шмидт, в частности, сказал: «*Virtus non moritur – facta bona sunt immortalia, eorumque praemia sunt aeterna*» («Добродетель не умирает – благие деяния бессмертны, и награды за них вечны»). Это было «выражением надежды, что память о знаменитом благотворителе в его Атенее перенесется от поколения к поколению» [5, с. 83]. П. Г. Демидов закончил свой земной путь 200 лет назад, но каждый раз, ког-

да мы пишем его имя в названии ЯрГУ, мы воздаем ему почесть памяти – самую ценную награду поколений.

Третьим по времени преподавателем древних языков в Демидовском училище стал Михаил Осипович (Иосифович) Ханенко (1779–1839), которого в 1812 г. для замены И. Е. Срезневского направил в Ярославль Московский университет. М. О. Ханенко был родом из Черниговской губернии, в 1796–1805 гг. он обучался в Киево-Могиланской академии, а затем до 1809 г. в Московском университете. Филолог по призванию, математик по университетскому образованию М. О. Ханенко в 1811 г. стал магистром философии и свободных наук, поступил на службу в благородный пансион при Московском университете учителем логики, риторики, поэзии и латинского языка, а также комнатным надзирателем [34]. В Ярославле он занял должность профессора древних языков и российской словесности и проработал 27 лет, вплоть до своей кончины в 1839 г. При этом в «Биографическом сборнике Демидовского университета» его фамилия отсутствует, как и отсутствует она в разделе «Персоны» на сайте ЯрГУ.

М. О. Ханенко, в то время, когда попечителем Демидовского учебного заведения был А. М. Безобразов, исполнял должность инспектора училища, включая пансион при нем. Это был период усиления надзора за студентами, стала строго контролироваться их дисциплина [5, с. 99]. Поскольку М. О. Ханенко имел уже, трудясь ранее в Московском благородном пансионе, опыт комнатного надзирателя, то такой опыт, видимо, и сформировал в нем привычку жестко пресекать нарушения распорядка и любое неповиновение. Поэтому, когда 1-го марта 1827 г. ярославские студенты «произвели беспорядок», Ханенко «распорядился наказать студентов розгами», чего не одобрил даже А. М. Безобразов, и инспектору «был объявлен строжайший выговор». Однако выговор не остановил Ханенко перед тем, чтобы через какое-то время еще раз прибегнуть к телесному наказанию проживавшего в пансионе обучающегося (в пансионе жили подростки, готовившиеся стать студентами; принятые затем в качестве студентов могли продолжать жить в пансионе – [12, с. 67; 13, с. 20]), после чего Безобразов объявил, что если инспектор опять позволит себе подобное, то будет отстранен от должности [5, с. 100]. И хотя Ханенко более не был замечен в назначении таких наказаний, он часто налагал на студентов другие и к тому же «доносил попечителю на профессоров», «злоупотреблял предоставленными ему полномочиями» [5, с. 100], поэтому долго в должности инспектора не задержался. Конечно, «темная сторона» натуры М. О. Ханенко не лучшим образом характеризует его личностные качества, но не думаю, что полностью перечеркивает (вплоть до забвения) его столь долгую преподавательскую деятельность, тем более что, по характеристике С. П. Покровского, он был «не менее талантливый», чем И. Е. Срезневский.

М. О. Ханенко был свойственен определенный социальный пессимизм и повышенные эмоциональные реакции на происходящее. Будучи литера-

туроведом по роду занятий, к тому же сам склонный к литературному творчеству, он способствовал распространению в училище таких направлений, как сентиментализм и романтизм [5, с. 78]. М. О. Ханенко почтил память П. Г. Демидова скорбно-возвышенным стихотворением на его смерть, в котором подчеркнул, обращаясь к ушедшему: «И здесь, и в небесах твой памятник – дела» (цит. по: [5, с. с. 85]). Написал он и стихи по случаю открытия бронзового памятника П. Г. Демидову в марте 1829 г.

Об отношении М. О. Ханенко к преподавательскому делу свидетельствует весьма примечательный и сугубо положительный отзыв о нем, данный М. А. Безобразовым (который при всех своих неоднозначных качествах и действиях считался «человеком глубоко образованным» и был избран почетным членом Московского университета) в донесении министру просвещения А. С. Шишкову. «Из всех профессоров только Шмидт и Ханенко вели преподавание по надлежащей системе и имели основательные собственные познания» [5, с. 96]. Следовательно, преподавание классической филологии в Демидовском училище во второй половине 20-х гг. XIX в. выгодно отличалось от такового других дисциплин (Безобразов раскритиковал занятия по праву, политической экономии, истории, географии и др.).

В Ярославле М. О. Ханенко в исследовательском отношении занимался искусствоведческой и литературоведческой тематикой. Были опубликованы четыре его речи [29, с. 71], из них две – «об изящных искусствах, их сущности и назначении» и о «духе первобытной поэзии и влиянии ее на нравы и на благосостояние народов» [35–36] – по данной тематике.

Словесность древних языков в преподавании первой половины XIX в. сочеталась – как сопряженные друг с другом дисциплины у одного профессора – с российским красноречием. Это было оправдано, поскольку не без основания считалось еще со времен М. В. Ломоносова, что русский язык дополнительно черпает благородство и силу у эллинской и латинской речи, обогащая построение фраз и способствуя красоте выражений.

В Демидовском училище высших наук преподавалась политическая история как дисциплина, состоявшая из разделов всеобщей и российской истории. Как обстояло дело в части истории древней?

В числе первых пяти профессоров Демидовского Атеней историков не было, но цитата отчета по ревизии А. А. Прокоповича-Антонского, приведенная в работе В. Г. Щеглова [23, с. 40], приоткрывает завесу над «неформальным» преподаванием истории античного Рима профессором Иоганном Георгием Августом Вильке (в России, где он находился с 1793 г., его могли звать Иван Давыдович), кандидатом правоведения Лейпцигского университета, профессором права естественного, народного и политического в Демидовском училище в 1804–1809 гг., который должен был читать юридические дисциплины: «Вильке за болезнью редко посещает классы и вместо права естественного и народного учит римской истории. К стыду училища он читает лекции на русском языке, не умея по русски». Однако

первый учебный год училища А. Вильке читал лекции на латинском языке, как следует из объявления о них [27, с. 250], а в 1806/1807 академическом году читал вполне официально на французском языке «Историю, Статистику и Политику главнейших Государств Европейских», что подавалось как части правоведения [9, р. 4–5]. Если сопоставить сведения расписания занятий и критики ревизором, то можно сделать наблюдение, что среди «государств европейских» А. Вильке, вероятно, непропорционально много внимания уделял римскому, поскольку в других своих курсах часто касался древнего права, и Рим ему в связи с этим был особенно знаком и интересен, – это и вызвало недовольство А. А. Прокоповича-Антонского.

Преподавать в Демидовском училище всеобщую историю стал не позднее 1806 г. Алексей Фомич Клименко, уроженец Полтавской губернии, выпускник Московского университета, будущий первый директор Демидовского учебного заведения в течение 10 лет (1828–1838), который, кстати, при преобразовании училища в лицей в 1833 г. предложил включить в число изучаемых предметов римское право [5, с. 120]. В «Catalogus...» [9, р. 4–5] говорится: «Алексей Клименко, Философии Магистр, по понедельникам и четвергам от 2 до 4 часов по полудни Всеобщей Истории по руководству обучать будет Иог. Мат. Шрёкка и Всеобщей Географии». Имелось в виду переводное пособие Иоганна Матиаса Шрёкка (1733–1808) [37]. И. Шрёкк был серьезным специалистом, его пособие отражало уровень науки рубежа XVIII–XIX вв., по нему учились и студенты Московского университета. А. Ф. Клименко, направленный попечителем Московского учебного округа М. Н. Муравьевым в Ярославскую гимназию на должность старшего учителя (преподававший там, кроме истории и других предметов, латинский язык), получил в качестве «поручения» от него и преподавание истории в Демидовском училище [5, с. 65]. Официально в штат училища высших наук А. Ф. Клименко был принят на ставшую вакантной профессорскую должность после того, как в марте 1809 г. умер профессор Эммануил Турнейзен [12, с. 61], направленный в 1807 г. Московским университетом читать курс политэкономии и финансовые науки. Поскольку А. Ф. Клименко должен был теперь читать лекции по экономическим наукам, исторические дисциплины перешли к Степану Алексеевичу Вилинскому.

Еще до ревизии А. А. Прокоповича-Антонского было решено привлекать в качестве профессоров не только приезжих иностранцев, но и представителей ярославской интеллигенции (ревизия только подкрепила это решение). Именно таким преподавателем и стал Степан Алексеевич Вилинский (1757 или 1759 – после 1824), профессор истории и географии, трудившийся в Демидовском высших наук училище в 1809–1824 гг. Он происходил из семьи ярославского священника, закончил Ярославскую духовную семинарию, поступив в нее в 1768 г., в ней учился, как цитировал К. Д. Головщиков его документы, «латинскому языку и на оном – пиитике, риторике, философии и богословию, а сверх того истории, географии, богословию и еврей-

скому языку» [2, с. 61; 6, с. 65]. В той же семинарии с 1775 г. он преподавал и занимал должность префекта (т. е. проректора), получил титул надворного советника. Назначение профессором в Демидовское училище произошло по решению Московского университета, когда С. А. Вилинскому было уже порядка 50 лет. Необычность такого назначения состояла в том, что Вилинский не имел степени магистра, не оканчивал университета, не приобрел иных академических регалий.

Сохранились три речи С. А. Вилинского [38–40], анализ которых позволяет оценить уровень его представлений о древней истории и, соответственно, содержание преподавания ее.

В «Слове о принадлежности истории вообще» он обращал внимание на достоверность при описании истории [38, с. 6], отмечал роль истории как «наставницы благоразумия» и «училища добродетели» [38, с. 10], подчеркивал пользу истории (38, с. 10) и ее «приятность» [38, с. 12]. Вилинский так характеризовал науку историю: «ближайшая поспешница прочих наук, сообщающая нам обширнейшее сведение о вещах, служащих к усовершенствованию физического, нравственного и гражданского состояния человеков» [38, с. 4].

В «Речи о началах или источниках благоденствия народного...» С. А. Вилинский классифицировал эти источники так: естественные, гражданские и нравственные. К первым он отнес воздух, изобилие вод, «обилие земных произведений» (имелись в виду поля, дарующие урожай), выделив Сицилию и Египет: «Римляне, покорившие их своей власти, обыкновенно именовали оныя житницами своими» [39, с. 4–5]. Особый интерес представляет трактовка Вилинским гражданских начал народного благоденствия. Он употреблял понятие «гражданское общество» [39, с. 7], что само по себе заслуживает внимания. Приводил примеры народов, «кои дотоле были славным воззрелищем и удивлением света, доколе законы, сии священныя узы гражданского соединения, ими свято были хранимы и соблюдаемы; коль же скоро сии стали быть ими пренебрегаемы и нарушаемы, то с высоты величия своего низвергались долу, учинившись позором вселенныя. События сея истинны явственно созерцаем на древних Римлянах, Греках, Персах и прочих народах» [39, с. 8]. Тем самым Вилинский подчеркивал социальную значимость законодательства, от которого зависит, по его мнению, будет ли общество благоденствующим, поскольку законы обеспечивают «внутреннее устройство онаго» [39, с. 9]. А для внешней безопасности общества, на его взгляд, необходим такой «гражданский источник народного благоденствия, а именно – военное ополчение». В числе других источников «благосостояния народного» Вилинский называл «гражданския учреждения» (т. е. политические институты), а также торговлю и «фабрики» (т. е. несельскохозяйственное производство) [39, с. 9].

Переходя к третьей, выделенной им категории источников народного благоденствия, С. А. Вилинский отмечал: «Из числа нравственных на-

чал благосостояния народного первое есть воспитание» [39, с. 10], при этом он подчеркивал, что воспитание – «не только образование ума, но и образование сердца» [39, с. 13]. Нравственным источником благодетельной жизни служит, по его мнению, также «взаимная любовь и согласие всех граждан» [39, с. 14]. В связи с этим Виленский утверждал, что примеры римлян, а также греков («с малою, так сказать, горстию людей поражавших тьмотысячные Персидския воинства»), иудеев («в тесных пределах и при малочисленных силах противостоявших сильным народам») – все их такие деяния осуществлялись «при содействии сопрягающей всех их крепко взаимной любви, но потом, по изгнании сея из их пределов, уничтоженных и чужой власти поработанных» [39, с. 16]. Отношения в общинах древности, которые мы сейчас называем гражданской солидарностью, Вилинский определял «взаимной любовью» сограждан, но, по сути дела, верно характеризовал эту черту идеологии античных социумов.

В «Речи о начале, ходе и успехах нравственного и гражданского образования некоторых древних народов...» Вилинский «колыбелью просвещения» называл Египет [40, с. 4], при этом излагал устройство государства, деление его на области, распорядок жизни правителей. Он рассматривал египетские законы, предваряя их замечаниями о зрелости их содержания, включая «понятия о выгодах гражданских общежитий» [40, с. 5]. Отмечал наследственность занятий населения, писал о том, что «нравы египтян имели на себе печать образованного народа» [40, с. 5]. Перечислял науки, получившие развитие в Египте, а первое место после египтян в ряду образованных народов отводил грекам [40, с. 7]. Появление развитых обществ Греции и Рима у Вилинского трактуется в одинаковой логике: изначально дикость и грубость первобытного состояния (под которыми «таились отличныя способности»), затем появление умов, которые совершают «первое основание гражданского общежития», а на этом основании возникают города, новый образ богослужения, суды, и в итоге «образуются благоустроенныя гражданския общества». Все перечисленное базируется на законах, которые есть «душа внутреннего благоустройства и твердое забрало народного спокойствия» [40, с. 7], – Вилинский в общем виде передает суть законов Ликурга в Спарте и Солона в Афинах, который своими законами «Афинскую Республику преобразует в новый вид, дает оной лучший и прочнейший образ правления» [40, с. 8], тем самым Вилинский отдавал должное афинской демократии, указывая, что другие народы, в том числе и римляне, заимствовали многое из греческих законов. Далее следует рассказ о выдающихся греках (названы Мильтиад, Фемистокл, Леонид, Павсаний, Кимон), автор воодушевленно отмечал крупные битвы (Марафонскую, при Платеях, Саламине, Фермопилах). Подчеркивал, что греки превзошли своих учителей – египтян. Восторженными словами характеризовал поэтов (Гомера, Пиндара) и красноречие ораторов (Исократ, Демосфена) [40, с. 8]. Отмечал значение творчества историков (Геродота, Фукидида,

Ксенофонта, Полибия), философов (Фалеса, Пифагора, Сократа, Платона, Аристотеля), «творцов в изящных искусствах» (Фидия, Проклителя, Лисиппа). Не забыл упомянуть и архитектурные ордера, «имеющие доселе свою цену, красоту и употребление» [40, с. 9–10].

Начало римской истории характеризуется у Вилинского даже в более мрачных красках, чем греческой, поскольку поначалу римляне – «низкий и презренный народ», «скопище беглецов, преступников и прочих подобного звания людей». Но этот народ «при содействии мудраго управления и благоразумных учреждений» «возрос в величественный колосс, учинившись столицею вселенных» [40, с. 10]. Вилинский акцентировал роль Ромула, Нумы, упоминал борьбу с Карфагенской республикой, заострял внимание на «доблестных вождях» (Камилл, Фабий, Сципион, Цезарь и др.). Особенно подчеркивалось Вилинским «законоведение римлян», заимствованное, по мнению автора, у греков, начертанное на «двенадцати скрижалях», затем оно было «тщанием и трудами опытных и умных законовеедов столько усовершенствовано, что соделалось основаю правоедения весьма многих Европейских народов». С пиететом отзывался Вилинский о нравственном поведении римлян «средних времен», употреблял понятие «нравственные и гражданские добродетели», подчеркивал «ревностное исполнение законов», «строжайшее соблюдение правосудия», отмечал, что римляне злату предпочитали «честное убожество» и поэтому нередко восходили от земледельческого плуга на «пышные седалища Консулов и Диктаторов», а затем возвращались к нему [40, с. 11–12].

Просвещение римлян, на взгляд автора речи, шло медленно, пока завоеванная ими Греция не способствовала тому, что «древо просвещения» было пересажено «под чистое небо Италии» [40, с. 12]. В числе тех, кто обеспечил достижения римлян в художественном творчестве, Вилинский отмечал Ливия Андроника, Энния, Плавта, Терренция; называл век Августа самым плодоносным для литературных произведений и золотым для наук, упомянуты им «знаменитейшие стихотворцы» Вергилий, Гораций, Овидий. Среди «дееписателей» (так Вилинский называл тех, кто описывал деяния людей и народов) он выделял Юлия Цезаря, Тита Ливия, Саллюстия, Корнелия Непота, Тацита, Светония. Первое место «среди римских витий» он закономерно отдавал Цицерону с его «всеувлекающей силой красноречия», давал высокую оценку его свидетельствам «о должностях, о законах и прочих нравственных предметах» [40, с. 13].

С. А. Вилинский выражал суждение, что философия римлян уступала греческой («древо любомудрия не столько было плодоносно под небом Италии, сколько под небом Греции»). Тем не менее Лукреций, Сенека и Плиний Старший, на его взгляд, «заслуживают особого внимания». Вполне естественно, что Вилинский считал важнейшим моментом общественного развития «озарение нравственного и гражданского образования» светом христианского учения [40, с. 15].

Таким образом, С. А. Вилинский в своей речи представил обобщенный взгляд, говоря его словами, «успехов просвещения» трех древних народов – египтян, греков и римлян (очевидным образом, отдавая дань веку своему), протянув цепочку исторического развития, придав тексту риторическую форму, наполнив красотами формулировок. Каких-то грубых исторических ошибок он не сделал. Велеречивый характер изложения, который воспринимается сейчас как не вполне соответствующий научному стилю, обусловлен был не только традицией XVIII в., но и жанром публичной речи. Но, видимо, уже в середине 40-х гг. XIX в. стиль его речей воспринимался как высокопарный, хотя и вызывал, скорее, одобрение, во всяком случае, профессор А. З. Зиновьев в 1845 г. воздержался от комментариев к его речам, перечислив их издания (хотя в данной публикации давал краткую оценку другим), а только привел объемную цитату из речи «О начале, ходе и успехах...», заметив лишь: «выпишем несколько строк как образчик стиля» [28, с. 68].

Сохранившиеся тексты выступлений С. А. Вилинского свидетельствуют, что он преподавал древнюю историю на уровне науки своего времени, и отсутствие университетского курса вполне компенсировал самообразованием на протяжении десятилетий, придя в Демидовское училище уже умудренным человеком и очень опытным преподавателем. Видимо, именно с уходом С. А. Вилинского в 1824 г. в 67-летнем возрасте из Демидовского Атенея и ухудшилось преподавание истории, что и зафиксировал А. М. Безобразов в своем донесении А. С. Шишкову.

Еще при нахождении С. А. Вилинского в училище, в 1820/21 и в 1821/22 академических годах, «греческие и римские древности», курс, по существу исторический, читал юрист Герасим Федорович Покровский, (преемник А. Вильке в стенах ярославского учебного заведения), которому были отнюдь не чужды сюжеты римской истории, в частности причинам гибели Империи он уделил специальное сочинение [41], он же читал и «не предусмотренное Уставом римское право» [1, с. 23]. Однако исторические взгляды правоведа Г. Ф. Покровского требуют отдельного изучения.

В последние три года существования Демидовского Атенея (до преобразования его в лицей по Указу 1833 г.) всеобщую историю (включая древнюю ее часть) преподавали Николай Александрович Руднев (годы работы в Ярославле – 1829–1836) и Алексей Зиновьевич Зиновьев (в училище и лицее – в 1830–1846 гг.). Последний не только излагал «историю древних царств», но и вел занятия по «словесности древних языков» [12, с. с. 87–88]. Но они свое профессорское служение осуществляли уже в других условиях, в контексте которых оно и должно рассматриваться, а филологические и исторические труды А. З. Зиновьева представляют самостоятельный исследовательский интерес.

Таким образом, то внимание, которое отчетливо прослеживается по отношению к преподаванию классических языков и древней истории –

как в подборе профессоров, так и в содержании учебных курсов – в период существования ярославского высшего учебного заведения в статусе *Athenaeum litterarum Demidowianum*, было в немалой степени обусловлено интересом к латинскому и древнегреческому языкам и в целом к историко-филологическим дисциплинам, который был сформирован у основателя училища П. Г. Демидова его ревельским наставником профессором А. Ф. Сигизмунди. Как показывает анализ обнаруженных о нем сведений, это был глубоко погруженный в процесс передачи молодому поколению гуманитарного знания человек, относившийся к своим занятиям – в гимназии и вне ее – как к делу жизни. Благодаря непосредственному участию П. Г. Демидова в выборе профессоров для ярославского Атенея деятельность в его стенах таких преданных науке и занятиям со студентами филологов-классиков, как И. Е. Срезневский и Ф. Шмидт, безусловно, делала честь училищу и формировала его репутацию, поскольку качество преподавания, по большей части, является производным от уровня подготовки и профессионального багажа профессорских кадров. Да и М. О. Ханенко (напрасно, на мой взгляд, не включенный в современные справочники о персонах, заложивших основы высшего образования в Ярославле) как хороший специалист и честный сеятель на ниве «разумного, доброго и вечного», при всех издержках своих действий сурового воспитателя, не испортил вспаханного поля, а, как минимум, расширил его.

Процесс нахождения профессора для чтения курса всеобщей истории в Демидовском высших наук училище немного затянулся, и только через год-два он стал систематически преподаваться (первоначально А. Ф. Клименко в качестве «совместителя»), но в итоге выбор на эту должность С. А. Вилинского оказался весьма удачным. Достигнутый им, как свидетельствует обращение к его опубликованным речам, очень приличный для своего времени уровень осмысления и изложения античной истории был во многом результатом самообразования и накопленного до поступления на службу в училище высших наук преподавательского опыта.

В целом проведенный анализ показывает, что антиковедческий научно-образовательный блок дисциплин в *Athenaeum litterarum Demidowianum* вошел существенной и весьма значимой составной частью в фундамент высшего образования в Ярославле, заложенный Училищем высших наук.

Ссылки

1. Ярославская юридическая школа: прошлое, настоящее, будущее /под ред. С. А. Егорова, А. М. Лушниковой, Н. Н. Тарусиной. Ярославль: ЯрГУ, 2009. 835 с.
2. Богатова Г. А. И. Е. Срезневский – один из основателей-строителей Ярославского высших наук училища // Высшее образование в России: история, проблемы, перспективы: тез. докл. / отв. ред. А. М. Селиванов. Ярославль: ЯрГУ, 1994. Вып. 1. С. 13–15.

3. Шеина Ю. В. Деятельность И. Е. Срезневского как ритора и поэта в Ярославском высших наук училище // Высшее образование в России: история, проблемы, перспективы: тез. докл. / отв. ред. А. М. Селиванов. Ярославль: ЯрГУ, 1994. Вып. 1. С. 15–16.
4. Следников А. Г. Эпизоды, взятые из классического образования в Ярославле // Двойной портрет III (филологи-античники о европеизации и деевропеизации в России) / сост. М. Н. Славятинская. М., 2013. С. 168–175.
5. Покровский С. П. Демидовский лицей в Ярославле в его прошлом и настоящем. Ярославль, 1914. VIII, 264, XV, 4 с.
6. Гущина Е. В., Морозов Д. К., Салова Ю. Г. Биографический сборник Демидовского университета. Ярославль: Рыбинск, 2008. 253 с.
7. Высших наук училище (18 июня 1803 – 13 января 1834). URL: https://www.uniyar.ac.ru/yargu/story/?ELEMENT_ID=57976 (дата обращения: 16.01.20220).
8. Подосинов А. В. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную культуру. Ч. IV, кн. 2: Хрестоматия латинских текстов. М.: Прогресс, 1995. С. 305–560.
9. Catalogus lectionum et exercitationum, in Athenaeo litterarum Demidowiano Jaroslaviensi a d. XVII Augusti anni MDCCCVI ad d. XXVIII Iunii a. MDCCCVII habendarum. М.: Университетская типография, 1806. 7 с.
10. Именной Указ Императора Александра I Правительствующему Сенату от 6 июня 1803 г. «О преимуществах, предоставляемых Ярославской Гимназии» // Очерки истории высшей школы Ярославского края / отв. ред. А. М. Селиванов. Ярославль: ЯрГУ, 2003. С. 27–29.
11. Смекалина В. В. Русские путешественники в Швейцарии во второй половине XVIII – первой половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2014. 300 с.
12. Головщиков К. Д. Павел Григорьевич Демидов и история основанного им в Ярославле училища (1803–1886). Ярославль: Тип. Г. Фальк, 1887. 225 с.
13. Гладков Н. А. Обзорение пятидесятилетнего существования Демидовского лицея, читанное в Торжественном собрании сего заведения, в день юбилея, 1853 года июня 6-го дня исправляющим должность профессора энциклопедии законоведения, государственных законов, законов казенного управления и финансов, Гладковым. Ярославль: Тип. Губерн. правл., 1853. 297 с.
14. Кербиков М. Д. Немецкое влияние на Демидовский лицей в первой половине XIX века. 8 с. URL: <https://www.academia.edu/33302286> (дата обращения: 18.01.2022).
15. Бауэр Г. Ф. Старейшая гимназия в России. Очерки из прошлого ревальской гимназии Николая I. Ревель, 1910. 60 с.
16. Hansen von. G. Geschichtsblätter des revalschen Gouvernements Gymnasiums. Reval, 1881. 277 S.
17. Вторая Камчатская экспедиция: Документы 1739–1740. Морские отряды / сост.: Н. Охотина-Линд, П. У. Мёллер; отв. ред. В. Хинтцше. СПб.: Нестор-История, 2015. 968 с.

18. Охотина-Линд Н. «Я и мой Беринг...» (Частные письма Витуса Беринга и его семьи из Охотска в феврале 1740 г.) // Россия в XVIII столетии. М., 2004. Вып. 2. С. 177–220.

19. Санкт-Петербургские ведомости. 1731. 17 июня. С. 4. URL: https://vedomosti1728.ru/pdf.cgi?r=99&key_pdf=0hZyuISZ7UZuhKD8

20. Pax gloriosissima, quae inter serenissimum et potentissimum imperatorem ac dominum, dominum Petrum Magnum, totius Russiae autocratorem, Patriae patrem, et serenissimum ac potentissimum Suecorum Goth. et Vand. regem Friedericum I-mum, Neostadii, III. Calend. Sept. an praet. feliciter-convenit, uti fructus moderationis imperatoriae, in Gymnasio Reveliensi in frequenti auditorio IV. Calend. Febr. publice exposita ab A.F. Sigismundi, Gymn. Reval. prof. jur. et philos. Revaliae Tallinn: Typis Joh. Köhleri, 1722. 20 с.

21. Козляков В. Н. Новые документы о начальной истории Демидовского «училища высших наук» // Ярославская старина. 1994. № 1. С. 39–44.

22. Поздеева И. В. Изучение древней истории и древних языков в Московском университете в 50–70-е гг. XVIII в. // Вестник древней истории. 1962. № 3 (81). С. 3–23.

23. Щеглов В. Г. Высшее учебное заведение в г. Ярославле имени Демидова в первый век его образования и деятельности (6 июня 1803–1903 г.). Ярославль, 1903. IV, 278, V с.

24. Воробьев Ю. К. Латинский язык в русской культуре XVII–XVIII веков. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1999. 240 с.

25. Комушкина Н. В. Семья Срезневских // Высшее образование в России: история, проблемы, перспективы: тез. докл. / отв. ред. А. М. Селиванов. Ярославль: ЯрГУ, 1994. Вып. 1. С. 17–19.

26. Срезневский Иван Евсеевич // Половцов А. А. Русский биографический словарь. Т. 19. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/russkij-biograficheskij-slovar-tom-19/151> (дата обращения: 29.10.2021).

27. Программа курса лекций в Ярославском высших наук училище, основанном П. Г. Демидовым. (Август 1804 г.) // Ярославль: История города в документах и материалах от первых упоминаний до 1917 г. / сост.: И. В. Ваганова [и др.]; под ред. А. М. Пономарева. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1990. 430 с.

28. Срезневский И. Е. Торжественное слово о странствовании муз или О некоторых промежутках времен, в которые художества и науки изящные у разных народов процветали, и о причинах, служащих для оных поощрением, 29 апреля 1807 года древней и новейшей литературы профессором и секретарем Совета, Иваном Срезневским на латинском языке говоренное, и им же на российский язык переведенное. М.: Унив. тип., 1807. 15 с.

29. Зиновьев А. З. Акты Ярославского Демидовского училища высших наук, с основания онаго до преобразования в лицей (1805–1834) // Журнал Министерства народного просвещения. 1845. Т. XLVII. С. 59–76.

30. Программа на торжественное открытие Демидовского Благородного высших наук училища в Ярославле. Сочинена Фридрихом Шмидом, Доктором и Профессором Философии и Греческого языка при Ярославском училище высших наук. 1804 года. Перевел Коллежский Регистратор Григорий Осиповский // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1806. № 14. С. 216–236.

31. Schmidt F. Oratio de educatione pristina Graecorum. М.: Унив. тип., 1806. 10 р.

32. Шмидт Ф. Слово о древнем воспитании Греков, сказанное в торжественный день основания Ярославского Демидовского высших наук училища, 29 апреля 1806 года Доктором и Профессором Философии и Греческого языка Фридрихом Шмидом, говоренное на латинском языке // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1806. № 16. С. 437–446.

33. Шевырев С. П. История Московского университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и педагогики Степаном Шевыревым, 1755–1855. М.: Унив. тип., 1855. XII, 584 с.

34. Ханенко Михаил Осипович // Половцов А. А. Русский биографический словарь Т. 21. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/russkij-biograficheskij-slovar-tom-21/328> (дата обращения: 29.10.2021).

35. Ханенко М. О. Рассуждение о сущности, цели и употреблении изящных искусств, произнесенное в торжественном собрании Ярославского Демидовского высших наук училища, 29-го апреля 1828 года, профессором древней и новейшей словесности Михаилом Ханенко (1812 г. авг. 28 дня). М.: Унив. тип., 1828. 40 с.

36. Ханенко М. О. Рассуждение о духе первобытной поэзии и о влиянии ее на нравы и на благосостояние народов, читанное в торжественном собрании Ярославского Демидовского высших наук училища 29 апреля 1813 года профессором древней и новейшей словесности, магистром философии и свободных наук и библиотекарем Михаилом Ханенко. М.: Унив. тип., 1813. 30 с.

37. Шрекк И. М. Древняя и новая всеобщая история, или Руководство к преподаванию оной при публичном и приватном обучении юношества в округе Императорского Московского Университета: перевод с немецкого: в 3 ч. Новое издание, исправленное и доведенное до нынешних времен, с приложением Синхронических таблиц к каждому периоду. М.: Унив. тип., 1814. Ч. 1. 230 с.

38. Вилинский С. А. Слово о принадлежностях истории вообще. М.: Унив. тип., 1809. 14 с.

39. Вилинский С. А. Речь о началах или источниках благоденствия народного. М.: Унив. тип., 1816. 34 с.

40. Вилинский С. А. Речь о начале, ходе и успехах нравственного и гражданского образования некоторых древних народов. М.: Унив. тип., 1824. 32 с.

41. Покровский Г. Ф. Рассуждение о главных и существенных причинах упадка и разрушения Римского государства, произнесенное во время торжественного собрания в Благородном пансионе, учрежденном при Ярославском Демидовском высших наук училище, 21 декабря 1822 года, профессором естественного и народного прав, казенных студентов и одного Пансиона инспектором, надворным советником и кавалером Герасимом Покровским [и другие речи и стихи, произнесенные в торжественном собрании]. М.: Университет. тип., 1823. 35 с.